Соколянская Н. Н. Иноязычные вкрапления как этнографические термины в литературе о Крайнем Северо-Востоке (на материале монографии В. Г. Богораза-Тана «Чукчи») / Н. Н. Соколянская // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 124—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-124-138.

Sokolyanskaya, N. N. (2019). Foreign Language Inclusions as Ethnographic Terms in Literature about the Far North-East (by Material of V. G. Bogoraz-Tan's Monograph "Chukchi"). *Nauchnyi dialog*, 7: 124-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-124-138. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 81'373.46:39

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-124-138

Иноязычные вкрапления как этнографические термины в литературе о Крайнем Северо-Востоке (на материале монографии В. Г. Богораза-Тана «Чукчи»)

© Соколянская Наталья Николаевна (2019), orcid.org/0000-0003-4094-6717, SPIN 7691-1436, кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет (Магадан, Россия), nata_sokol@mail.ru.

Статья посвящена заимствованиям из чукотского языка, которые используются как термины в этнографических исследованиях. Рассматривается вопрос о включении иноязычных вкраплений в описания аборигенов севера XVIII—XIX веков. Показано, что в первых работах для воссоздания этнокультурных особенностей чукчей использовались известные русскому языку слова (*начальник, глава, купеческое сословие* и под.), которые не могли передать специфики общественных отношений в чужой этнической среде, а также — реже — диалектные слова, бытующие в русских говорах на территории Крайнего Северо-Востока (*кухлянка*). Выявлено, что отражение культурно-маркированных понятий с помощью иноязычных вкраплений в текстах историко-этнографических описаний получило свое развитие в XIX веке. Особое внимание в статье уделяется монографии В. Г. Богораза «Чукчи», в которой ученый использовал знание чукотского языка для введения в научный текст слов с национально-культурным компонентом, не имеющих эквивалентов в русском языке. Отмечается, что лингвистическая компетентность и серьезное изучение материальной и духовной культуры чукчей позволили В. Г. Богоразу привлечь большое количество терминов, отражающих специфические стороны жизни этого народа: взаимоотношения с соседними племенами, внутрисемейную структуру, социальную дифференциацию и т. д. В качестве примеров приводятся иноязычные вкрапления из труда В. Г. Богораза «Чукчи». Показано, что традицию использования чукотской терминологии в научных исследованиях продолжили этнографы в XX веке (И. С. Вдовин, А. А. Леонтьев и др.), сохраняется она и в современных энциклопедических изданиях, посвященных народам Северо-Востока Сибири.

Ключевые слова: иноязычное вкрапление; терминология; чукотский язык; этнография.

1. Введение

В историко-этнографической литературе о Крайнем Северо-Востоке сформировался свой корпус терминов, различных по своему происхождению. Для описания этнокультурных особенностей изучаемого народа часто используются заимствованные слова, не освоенные русским языком (иноязычные вкрапления). Они понимаются как «иноязычные “сегменты”», слова, выступающие в иноязычном звуковом и / или графическом оформлении» [Леонтьев, 1966, с. 61], как «незамкнутые группы слов», употребляющиеся в зависимости от степени «знакомства говорящего с иностранным языком» и в зависимости от жанровых особенностей речи [Крысин, 1968, с. 47]. Способы введения такого слова в русскоязычный текст и его адаптационные возможности (семантические, графические, функциональные) рассматриваются и в современной лингвистической литературе [Норлусенян, 2010].

В научном тексте эти слова получают «терминологический статус» и включаются в исследование для большей достоверности и точности [Соколянская, 2007, с. 65]. Они позволяют сохранить и передать культурно-маркированные понятия, важные для исследования, являясь основным ядром безэквивалентной лексики, с помощью которой можно рассказать о специфическом пути развития народа, его менталитете, обычаях, традициях, материальной культуре и т. д. Поскольку есть опасность неадекватной передачи культурно значимых лексем, то практика введения в научный текст заимствования из языка описываемого народа стала достаточно распространенной.

Такие слова, являясь этноцентричными по своей сути, помогают не только номинировать реалии чужого материального быта, но и отразить тип мышления этнической группы и ее духовные ценности. Лишенное для русскоговорящего человека внутренней формы, такое иноязычное вкрапление, тем не менее, вместе с авторским переводом выполняет в тексте роль терминологической группы, в которой выражен уникальный культурно-национальный элемент описания.

2. Иноязычные вкрапления в первых описаниях чукчей

Интерес к чукчам как объекту этнографического описания возник давно. На протяжении XVIII—XIX веков в процессе исследования Северо-Востока появлялись материалы об этом народе: записки мореплавателей,

рассказы первых исследователей и миссионеров, деловые отчеты официальных лиц. Некоторые сведения содержатся, например, в материалах мореплавателей Северо-Восточной экспедиции 1785—1793 годов (например, Г. А. Сарычева). Итогом экспедиции Ф. П. Врангеля (1820—1824 гг.) стал отчет, содержащий сведения о береговых чукчах, а доктор А. Э. Кибер, сопровождавший эту экспедицию, издал в журнале «Сибирский вестник» (1824, ч. 2) отдельную статью. Эти заметки были написаны в то время, когда чукотский язык еще не стал предметом научного изучения, поэтому редкие региональные слова попадали в эти описания из диалектов старожильческого населения Крайнего Северо-Востока. Так, например, об одежде чукчей А. Э. Кибер писал: *Во время холода, достигающего высочайшей степени, чукчи надевают сверх обыкновенной одежды известную **куклянку**, которая по своей пользе вошла в употребление у русских, якутов и наконец у многих соседственных народов. Сия **куклянка** есть также род длинной и широкой рубашки, сшитой и подложенной оленьей кожей* [Кибер, 1824, с. 107—108]. По мнению А. Е. Аникина, по своему происхождению слово *куклянка* ‘верхняя одежда из оленьих шкур длиною ниже колен, с широкими рукавами и капюшоном’ связано с севернорусским существительным *куколь*, следовательно, не имеет отношения к языкам народов Севера, хотя и употреблено для описания их реалий [Аникин, 2000, с. 314].

Попытки описать социальные отношения в чукотских племенах предпринимал Г. Л. Майдель, который, будучи исправником Колымского и Вилюйского округов в 1862—1870 годах, участвовал в Чукотской экспедиции. Ему не удалось разобраться в сложной социальной организации чукчей, но он сделал попытку описать ее, используя подходящие, на его взгляд, русские эквиваленты. В своем обширном документе, посвященном вопросам хозяйствования у чукчей, он обратил внимание на то, что у чукчей не было *начальствующих лиц*, и эта анархия сильно затрудняла переговоры с ними: *Никогда не приходилось иметь дело с признанным главой всего народа или с главой какого-либо рода ...* [Майдель, 1894, с. 89]. В своем исследовании Г. Л. Майдель высказал предположение, что *руководителями* *небольших групп* были лица *особенно богатые и потому пользовавшиеся уважением и властью* [Там же, с. 90]. Но на деле оказывалось, что их полномочия были незначительными и продолжались короткое время. Г. Л. Майдель в своей работе упоминает даже *купеческое сословие* у чукчей, возникшее в связи с торговлей на Анюе. Итогом анализа социальных условий взаимоотношений становится вывод о том, что *они сделались много сложнее и запутаннее и требовали очень часто начальственного разбирательства и решения, которых, однако, не было* [Там же, с. 93].

Внес свой вклад в историко-этнографические разработки и врач-исследователь Н. В. Слюнин, участник экспедиции 1892—1893 годов в Беринговом море. Он сумел собрать ценные сведения о традиционной культуре и быте чукчей и даже составить небольшой словарь из 61 слова. Результатами этого исследования он поделился в работе «Среди чукчей». Автор при описании народа считает нужным не просто делать бытовые зарисовки, но и использовать слова из чукотского языка: *Праздничный костюм чукчанки отличается различным шитьем цветными бусами кул-лянки, шапки (кэли) и рукавичек (лилит)* [Слюнин, 1896, с. 6]. Исследователь также посчитал необходимым привести национальные названия некоторых понятий и реалий: оригинальные лепешки, которые готовятся из оленьего мяса с оленьим жиром (*пынт-ыпычкин*), особый дух, демон (*авынряляк*), мужской дух (*крекамчаткан*), женский дух (*кээлен*), мать — покровительница чукотского племени (*аисыт*) и т. д. [Там же, с. 27, 17, 18].

По итогам четырехлетней работы в должности начальника Анадырского округа (1893—1897) Н. Л. Гондатти оставил заметки об оседлых и кочевых чукчах и собрал большую коллекцию этнографических предметов. Он привлекал чукотские слова для описания наиболее экзотических явлений в изучаемой среде: по его словам, *эркаляольтэ*, мужчины, исполняющие *женские обязанности*, вызывают страх, потому что считается, что они *в силах причинить человеку болезнь*, лишить промысла, сделать что-то вредное и неприятное [Гондатти, 1897, с. 167].

Развитие этнографической науки на рубеже XIX—XX веков шло по пути постепенной смены исследователей-непрофессионалов (чиновников, путешественников, миссионеров) специалистами с научной подготовкой. Установка на стационарные наблюдения в полевых условиях помогла выработать методику сбора материала, требовавшую сливаться «в своей частной жизни, особенно в пище, труде» «с изучаемой народностью» [Этнография ..., 1988, с. 15]. Увеличение числа научных описаний способствовало формированию этнографической терминологии в каждой национальной серии, и, поскольку язык отражает специфику восприятия и описания мира, то важной частью этой терминосистемы стали иноязычные вкрапления.

Отдельные слова при рассказе о жизни чукчей встречались в ранее рассмотренных материалах. Так, Ф. П. Врангель упоминал о чукче, который *объявлял, что он Камакай Чукотских племен, обитающих по берегам Чаунского залива* [Врангель, 1841, с. 287], о том, что *оленьи чукчи, называющие себя Таннэгк, занимают гористую часть страны* [Там же с. 333]. Трудно сказать точно, что имел в виду исследователь под словом

Камакай, контекстуальное значение которого (*Камакай племен*) содержит сему 'руководитель, начальник, управляющий'. Как имя собственное оно встречается в монографии В. Г. Богораза: *То же самое* (связь происхождения с отдельными предками из племени Саасет. — уточнение наше. — Н. С.) *утверждал чукча Камакай на мысе Эрри в разговоре с Врангелем* [Богораз, т. 1, с. 7].

У Н. В. Слюнина мы встречаем схожее по звучанию название духа (*камака*): *после верховного аган следует камака, управляющий всей землей ...* [Слюнин, 1896, с. 18]. То, что слово *катак* у коряков обозначает злой дух, подтверждает и В. Г. Богораз [Богораз, т. 2, с. 49].

Самоназвание оленных чукчей *Танныгк*, отмеченное Ф. П. Врангелем, в дальнейших исследованиях уточнялось в связи с изучением не только языка, но и этнических связей с соседними народами, поэтому для тундровых чукчей-оленьеводов закрепилось название *чавчу* (мн. ч. *чавчуват*) [Народы Сибири, 1956, с. 896], а словом *тангыт* называют друг друга оленные чукчи и коряки [Богораз, т. 1, с. 7]. В чукотском языке *танн'ытан* (мн. *танн'ыт*) имеет несколько лексических значений: 1) чужак; 2) коряк; 3) европеец [Молл, с. 128].

Появление в текстах заимствованных слов с неясной семантикой без какого-либо комментария было вызвано низким уровнем владения чукотским языком и отсутствием хороших переводчиков. Например, Г. А. Сарычев, описывая пляски чукчей, старался как можно точнее воспроизвести поведение и звуковое сопровождение танцующих, но не пояснил значение употребленных слов: *как плясуны, так и все зрители поют песню, состоящую в повторении двух только слов: ан-келле, ан-кагет* [Сарычев, 1802, с. 125].

3. Заимствования из чукотского языка в трудах В. Г. Богораза

Первое всестороннее монументальное исследование «Чукчи», изданное сначала на английском языке, а затем переведенное автором на русский, принадлежит В. Г. Богоразу, который смело стал вводить в научную работу слова из чукотского языка. В своей монографии он, основываясь на собственных наблюдениях, отразил специфику всех сфер жизни — социальной, духовной, бытовой. Стараясь как можно детальнее описать фактический материал, ученый сохранил лингвистические особенности наименований. В. Г. Богораз вывел этнографическое исследование чукотского народа на новый уровень, который был подготовлен периодом серьезного изучения языка. Ученый собрал материалы для описания и систематизации грамматики, записал тексты на основе латинских знаков с проверкой про-

изношения и составил словарь, содержащий около 6 тысяч лексических единиц. О том, какое значение В. Г. Богораз придавал иноязычным вкраплениям в своей работе, свидетельствует лингвистическая информация фонетического характера, которая предваряет монографию: «Чукотские слова транскрибированы соответственно принятому в настоящее время луораветланскому алфавиту» [Богораз, т. 1, с. 2]. Первая часть его работы «Социальная организация» (1934) начинается с описания транскрипции звуков чукотского языка, и уже в главе «Самоназвание» мы встречаемся с несколькими десятками иноязычных вкраплений, без которых автор не мыслит детальное исследование этого народа. Во-первых, это этимологический анализ названия *чукчи*, происходящего от чукотской лексемы *sawci* ‘богатый оленями’. Во-вторых, поскольку безопасность жизни на севере зависит от взаимоотношений с соседями, то в главе «Соседние племена» ученый приводит более пятидесяти наименований различных племен, с которыми так или иначе устанавливаются отношения. Так, например, исследователь посчитал необходимым указать, что оленные коряки и приморские чукчи называют друг друга *tanŋʲtan* (мн. число *tanŋʲt*), что означает ‘враг, чужой’ [Там же, с. 3]. Для противопоставления приморских и прибрежных жителей используются названия *aŋqalʲt* ‘морской народ’, от слова *aŋqʲ* ‘море’; или *ramaglat* ‘прибрежные жители’. Более сложная оценка своего статуса на основе отграничения от всех остальных племен содержится в самоназвании *lii-yilʲlʲt* ‘настояще-язычные’, т. е. имеющие настоящий язык) и *crawetlat* ‘люди’, или *lʲe-orawetlat* ‘настоящие люди’ [Там же]. При использовании иноязычных вкраплений исследователь часто употребляет два названия: одно короткое, лаконичное и другое — более полное, развернутое, содержащее важные признаки племени: *Ламуты и тунгусы называются qaa-ramkʲt*, что значит ‘оленное племя’. Более точно ламуты называются *qor-ente-qaa-ramkʲt* — ‘оленное племя, едущее верхом на оленях’, а тунгусы тундры к западу от Колымы вместе с оленными юкагирами называются *orwu-qaa-ramkʲt* — ‘санно-оленное племя’, так как они ездят на санях [Там же, с. 8].

В дальнейшем в монографии мы встречаем заимствования из чукотского языка:

а) при перечислении национальных селений, например, *Valqatlen* ‘имеющий дома из китовой челюсти’; *Retken* ‘глинистый, тинистый’ и т. д. [Там же, с. 14];

б) в описании представлений о важных признаках женской красоты, например, краткая формула похвалы проста: *Большая женщина, большой таз, длинные косы — ŋausqatʲsʲŋ, ŋoŋʲsʲŋ, kʲtʲalʲsʲŋ* [Там же, с. 20];

(в описательной форме *jep ajaakälen* ‘еще не бывшая в употреблении’), и «специальный термин» для половых отношений вне брака (*vinvytkurkьn* ‘он имеет тайную любовь’), и отработки за жену (*jaundourgьn* буквально ‘пастушество за жену’) и др. [Там же, с. 113—119].

Лингвистические комментарии автора касаются самых разных аспектов коммуникации и грамматики хорошо изученного им языка.

Иноязычные вкрапления сам В. Г. Богораз наделяет статусом термина, о чем можно судить по его замечаниям, сделанным в тексте: *Группа родственных семей обозначается термином varat* (буквально: «собрание живущих вместе») [Там же, с. 94]. Интересно, что процесс превращения единицы речи (выражения, словосочетания, слова на чукотском языке) в терминологическую единицу письменного текста в работе происходит автоматически, в момент фиксации обозначаемой реалии. Так, автор монографии приводит случаи добровольной смерти людей: иногда человек просит домашних лишить его жизни. Для лучшего понимания этого обряда он обращается к сказке об *Ajgьnto*, просящем хозяина стойбища убить его, на что последний не соглашается: ... *почему именно я должен это сделать с моим «товарищем скуки»?* [Там же, с. 109]. Далее в сносках В. Г. Богораз поясняет словосочетание, взятое в кавычки: *Emjол-tomgьn* — *буквально «товарищ скуки», помогает занимать время и таким образом отгоняет чувство скуки. Этот термин употребляется, например, стариками и больными, не выходящими из внутреннего полога* (разрядка наша. — С. Н.). *Его применяют к гостям, к табаку и т. д.* [Там же].

Нередко автор этнографической работы дает грамматический комментарий о предпочтительном употреблении той или иной формы числа имен существительных: амулеты, которые охраняют семью, обычно связаны вместе, они называются *tajьkwut* (единственное число *tajьkwulgьn*), в единственном числе слово употребляется очень редко [Богораз, т. 2, с. 58]. В некоторых случаях примеры способов выражения категории числа дополняется морфемным анализом: *Tumgьtum* (множ. чис. *tumgьt*, основа *tumg*) означает «товарищ», «друг», а также «родственник» [Там же, с. 92].

Семейный этикет при общении со старшими членами семьи также является предметом исследования: полное название *atlw-mirgьn* (‘дед по отцу’) употребляется редко, и маленькие дети могут использовать термин *apajьn* (‘дедушка’) с «уменьшительным» значением [Там же]. Попутно ученый дает сведения о словообразовании в чукотском языке, выделяя значение суффикса *-lqel* (‘назначенный для’), который встречается в структу-

ре слов *atlbgyqlal* ('отчим'), *atlalqal* ('мачеха'; 'другая жена моего отца — в полигамных семьях'), *uwäqucilqal* ('назначенный в мужа', 'жених') и т. д. [Там же, с. 93].

Отдельно следует остановиться на отражении в монографии семантико-грамматических сведений о процессах композиции (основосложения) и инкорпорации в чукотском языке: «Композиция относится к сфере словообразования; инкорпорация, в отличие от нее, — к сфере синтаксиса, хотя с морфологической точки зрения это один и тот же процесс» [Володин и др., 1997, с. 26].

Очень часто ученый анализирует включенный в текст термин с точки зрения его деривационных связей, сравнивая производное и производящее слово, что помогает осмыслить внутреннюю форму и мотивировку названия. Это касается, например, основы *ret*, *rat*, имеющей значение 'связь, группа' и употребляющейся «только комплексно»: *Так, jicemret* — 'группа братьев', *cakettyrat* — 'группа сестер' (мужской термин); *jelgyrat* — 'группа двоюродных братьев' [Богораз, т. 1, с. 93].

Лингвистическое сопровождение касается и оценки лексемы в исторической перспективе: так, упомянутый выше термин *ənan-varatken* ('человек из того же *varat*') *в настоящее время*, по замечанию автора исследования, *приобрел более широкое значение и употребляется в смысле 'люди', 'народ', хотя для последнего понятия существует другое слово — remkyn ('люди', 'народ')* [Там же]. Таким образом, сопутствующие замечания касаются и синонимов к употребленному слову, что, безусловно, обогащает сведения о семантике иноязычного вкрапления. Показ семантических связей употребленных терминов-заимствований позволяет уточнить объем их лексического значения и увидеть их место в группе тематически сходной лексики. Термины *старший брат* и *младший брат* взаимно соотносительны, — пишет В. Г. Богораз, — *т. е. все братья старше меня — мои ʏneelʏt, а все братья моложе меня — мои atlenjut* (мн. ч.). В эту лексикосематическую группу входят также термины *ʏneelʏn* ('старший брат'), *ənan-ʏnaalʏn* ('самый старший брат'), *atlegi* ('младший брат'), *ənan-atlage* ('самый младший брат') и др. [Там же, с. 92].

Как видим, ученый использует разные по структуре языковые единицы для наименования реалий, отражающих национальный колорит:

(1) Слово (*atal* 'чуванец'; *əmtə* 'мама'; *ekʏk* 'сын').

(2) Инкорпоративный комплекс, который «не сводится ни к слову, ни к словосочетанию», состоит из нескольких компонентов и может служить для выражения различных отношений между ними [Володин и др., 1997, с. 26]. Чаще всего комплекс имеет атрибутивное значение:

Семья называется *rajiḡḡyn* ('наполнение дома') или *jara-tomḡyt* ('домашние товарищи' — домочадцы) [Богораз, т. 1, с. 93]. Но отмечаются случаи, когда в глагольную словоформу инкорпорируется объект, тогда возникают дополнительные грамматические связи: есть специальное наименование для половых отношений вне брака — *vinvytkurḡyn* ('он имеет тайную любовь') [Там же, с. 115].

(3) Сложносоставное наименование из русских и чукотских слов (жены 'домашних духов', имеют 'тайных любовников среди духов-*rekkeḡyt*') [Богораз, т. 2, с. 3].

4. Формирование традиции в употреблении терминов-заимствований

Пожалуй, исследование В. Г. Богораз является научной работой с наибольшим количеством терминов из языка чукотского народа, и следующие поколения историков и этнографов уже не могли игнорировать эту лингвистическую реальность, ставшую в дальнейшем традицией. Авторы исследований о чукчах в труде «Народы Сибири» (1956) (В. В. Антропова, В. Г. Кузнецов, при участии Г. И. Мельникова), в «Очерках истории и этнографии чукчей» (1965) (М. С. Вдовин), в коллективной монографии «История и культура чукчей» (1987) (М. С. Вдовин, В. В. Леонтьев, В. А. Тураев и др.), в энциклопедии «Народы Северо-Востока» (2010) (В. В. Леонтьев, В. А. Тураев, Е. П. Батьянова и др.) непременно включали в разных объемах культурно маркированные лексемы в свой текст.

Например, при описании различий между двумя территориальными группами чукчей, занятыми разными промыслами, в энциклопедии «Народы Сибири» (1956) используются термины *чаучу* / *чавчу* / *чавчуват* ('оленьеводы') и *ан'калыт* ('приморский житель', 'помор', 'приморские охотники на морского зверя'), при этом есть и общее название для двух видов — *лыḡьоравэ́тлян* ('настоящий человек') [Народы Сибири, 1956, с. 896].

Основные группы терминологической лексики, помогающие в исследовании этнографического своеобразия этого северного народа используются:

— при описании хозяйства и материальной культуры (самоназвание и наименование соседский племен; морской зверобойный промысел; охота; домашние кустарные промыслы; средства передвижения; жилище и его части; одежда; пища): *кэн'ыр* ('охотничьи санки'), *улюккэ* ('нора во льду для песка и лисицы'), *эплэкэ́тэ́т* ('бола'), *гакан'оргоор* ('нарты для легкой езды'), *валк'аран* ('жилище из челюстей') [Вдовин, 1965, с. 23, 33, 39, 92]. Многие из этих слов фиксируются словарями чукотского языка, в которых предложено объемное энциклопедическое толкование лексемы:

так, *валк`аран* ‘старая землянка — с китовой челюстью в качестве остова’; *эплык`ытэт* — ‘болы (пучок ремней с прикрепленными на их концах зубами моржей, употребляется для охоты на птиц в полете)’ [Молл, 1957, с. 19, 157].

— при анализе социальной организации и семейно-брачных отношений (форма поселения, отношения между социальными группами оленеводов): *ытвэрмэчыын* (‘лодочный начальник’, ‘глава общины приморских чукчей’); *эрмэчыын* (‘силач, старшина, начальник’, ‘человек, возглавляющий общину при оленьем стаде’) и т. д. [Народы Северо-Востока ..., 2010, с. 545].

— при рассмотрении духовной культуры чукчей, их представлений о природе и в целом о мире, о праздниках, музыке и танцах: *кэле* (мн. ч. *Кэльэт* — ‘носители зла’); *наргынэн* (‘вся окружающая землю среда’, ‘наружное пространство’, ‘вселенная’, ‘дух вселенной’, ‘природа’); *нутэнэут* (‘земля’); *этын, этынвыт* (‘хозяева отдельных объектов природы — озер, рек, лесов, зверей и т. д.’); *вагыргын* (‘Полярная звезда, воспринимаемая как Творец, существо, благосклонное к людям и защищающее их’), *лыгикэльэт* (‘злые существа’) и т. д. [История и культура чукчей ..., 1987, с. 88—94].

5. Заключение

Требование однозначности в выражаемом термином понятии в исследуемых работах может быть выполнено только за счет привлечения заимствований. Классик северной этнографии И. С. Вдовин высказывал мысль о важности использования слов именно в том значении, в котором они употребляются носителями языка. В имеющихся словарях, по его мнению, отсутствует необходимая терминология для наименования «общественных институтов, форм религиозного сознания, права», а те слова, которые можно встретить в работах, нельзя назвать равнозначными по семантике, они искажают смысл исследуемых явлений: «Такие, например, слова, как “душа”, “смерть”, “черт”, “бог”, “старшина”, “собственность”, “власть” и многие другие в языках народов Севера имеют значения, отличные от общепринятых» [Вдовин, 1981, с. 10].

Перевод таких единиц лишь отдаленно может дать представление об объеме семантики слова, его парадигматических связях в языке изучаемого народа, ведь лексическое значение проявляется не только в совокупности денотативного и понятийного компонентов, но и как элемент семантической системы. Отсутствие точного эквивалента в переводящем языке объясняет мотивы включения более лаконичных по своему образноязычных вкраплений в этнографические исследования.

Источники

1. *Богораз-Тан В. Г.* Чукчи. Ч. 1—2 / В. Г. Богораз-Тан. — Ленинград : Издательство института народов севера ЦИК СССР, 1934—1939.
2. *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля. — Ч. II. — Санкт-Петербург : Тип. А. Бородина и К^о, 1841. — 360 с.
3. *Гондатти Н. Л.* Состав населения Анадырской округи / Н. Л. Гондатти // ЗПОРГО, 1897. — Т. 3. — Выпуск 1. — С. 166—178.
4. *Кибер А. Э.* Чукчи / А. Э. Кибер ; перевод с фр. Е. Певцова // Сибирский вестник. — 1824. — Ч. 2. — Кн. 9—10. — С. 87—126.
5. *Майдель Г. Л.* Путешествие по вечеро-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах / Г. Л. Майдель. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1894. — 594 с.
6. *Молл Т. А.* Чукотско-русский словарь : около 8000 слов / Составители Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй ; под редакцией П. Я. Скорика. — Ленинград : Учпедгиз. Ленинградское отделение, 1957. — 195 с.
7. *Сарычев Г. А.* Путешествие флота капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану / Г. А. Сарычев. — Санкт-Петербург : Типография Шнора, 1802. — 410 с.
8. *Слюнин Н. В.* Среди чукчей / Н. В. Слюнин. — Москва : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1896. — 46 с.

Литература

1. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь диалектов Сибири : Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аникин. — Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. — 768 с.
2. *Вдовин И. С.* Актуальные проблемы этнографии аборигенного населения Сибири и Севера / И. С. Вдовин // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР / АН СССР, Дальневосточный научный центр, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. — Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1981. — С. 3—14.
3. *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей / И. С. Вдовин / Академия наук СССР ; Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965. — 403 с.
4. *Володин А. П., Скорик П. Я.* Чукотский язык / А. П. Володин, П. Я. Скорик // Языки мира. Палеоазиатские языки. — Москва : Индрик, 1997. — 231 с.
5. *История и культура чукчей : историко-этнографические очерки* / под общей редакцией А. И. Крушанова ; АН СССР, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ, Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1987. — 286 с.
6. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1968. — 208 с.

7. *Леонтьев А. А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. — 1966. — № 7. — С. 60—68.
8. *Народы Северо-Востока Сибири* / ответственный редактор Е. П. Бартьянова, В. А. Тураев ; Ин-т этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — Москва : Наука, 2010. — 773 с.
9. *Народы Сибири* / под редакцией М. Г. Левина, Л. П. Потапова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1956. — 1083 с.
10. *Нордусеян В. С.* Иноязычные вкрапления : современное состояние проблемы / В. С. Нордусеян // Вестник Новгородского государственного университета. — 2010. — № 57. — С. 63—66.
11. *Соколянская Н. Н.* Проблемы формирования этнографической терминологии в текстах о Крайнем Северо-Востоке / Н. Н. Соколянская // Вестник Северо-Восточного государственного университета. — Выпуск 8. — Магадан : СВГУ, 2007. — С. 63—68.
12. *Этнография* и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. — Москва : Наука, 1988. — 225 с.

Foreign Language Inclusions as Ethnographic Terms in Literature about the Far North-East (by Material of V. G. Bogoraz-Tan's Monograph "Chukchi")

© **Natalya N. Sokolyanskaya (2019)**, orcid.org/0000-0003-4094-6717, SPIN 7691-1436, associate professor, North-East State University (Magadan, Russia), nata_sokol@mail.ru.

The article is devoted to borrowings from the Chukchi language, which are used as terms in ethnographic studies. The question of inclusion of foreign language inclusions in the descriptions of aborigines of the North of the 18th— 19th centuries is considered. It is shown that in the first works for the reconstruction of ethnic and cultural features of Chukchi the words known to the Russian language were used (*nachalnik, glava, kupecheskoye sosloviye* etc.), which could not convey the specifics of social relations in a foreign ethnic environment, as well as — less — dialect words, prevailing in Russian dialects in the Far North-East (*kuhlyanka*). It is revealed that the reflection of culturally marked concepts with the help of foreign language inclusions in the texts of historical and ethnographic descriptions was developed in the 19th century. The article pays special attention to the monograph of V. G. Bogoraz "Chukchi," in which the scientist used the knowledge of the Chukchi language for the introduction of words with national-cultural component, which have no equivalents in the Russian language. It is noted that linguistic competence and serious study of material and spiritual culture of Chukchi allowed V. G. Bogoraz to attract a large number of terms that reflect the specific aspects of the life of this people: the relationship with neighboring tribes, family structure, social differentiation, etc. As examples, foreign-language inclusions from V. G. Bogoraz's "Chukchi" are given. It is shown that the tradition of using Chukchi terminology in scientific research was continued by eth-

nographers in the 20th century (I. S. Vdovin, A. A. Leontyev, etc.), it is preserved in modern encyclopedic publications devoted to the peoples of the North-East of Siberia.

Key words: foreign language inclusions; terminology; Chukchi language; ethnography.

Material resources

- Bogoraz-Tan, V. G. (1934—1939). *Chukchi, 1—2*. Leningrad: Izdatelstvo instituta narodov severa TsIK SSSR. (In Russ.).
- Gondatti, N. L. (1897). Sostav naseleniya Anadyrskoy okrugi. *ZPORG*, 3 (1): 166—178. (In Russ.).
- Kiber, A. E. (1824). *Chukchi. Sibirskiy vestnik*, 2 (9—10): 87—126. (In Russ.).
- Maydel', G. L. (1894). *Puteshestviye po vechero-vostochnoy chasti Yakutskoy oblasti v 1868—1870 godakh*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russ.).
- Moll, T. A., Inenlikey, P. I. (1957). *Chukotsko-russkiy slovar'. Okolo 8000 slov*. Leningrad: Uchpedgiz, Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Sarychev, G. A. (1802). *Puteshestviye flota kapitana Sarycheva po Severovostochnoy chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Shnora. (In Russ.).
- Slyunin, N. V. (1896). *Sredi chukchey*. Moskva: T-vo tip. A. I. Mamontova. (In Russ.).
- Vrangel', F. P. (1841). *Puteshestviye po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu moryu, sovershennoye v 1820, 1821, 1822, 1823 i 1824 gg. ekspeditsieyu pod nachalstvom flota leytenanta Ferdinanda Fon-Vrangel'ya, II*. Sankt-Peterburg: Tip. A. Borodina i K^o. (In Russ.).

References

- Anikin, A. E. (2000). *Etimologicheskiy slovar' dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural-skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov*. Moskva; Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Bartyanova, E. P., Turayev, V. A. (eds.) (2010). *Narody Severo-Vostoka Sibiri*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Etnografiya i smezhnyye distsipliny. Etnograficheskiye subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. (1988). Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Krushanov, A. I. (ed.) (1987). *Istoriya i kultura chukchey: istoriko-etnograficheskiye ocherki*. Leningrad: Nauka: Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1968). *Inoyazychnyye slova v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Leontyev, A. A. (1966). Inoyazychnyye vkrapleniya v russkuyu rech'. *Voprosy kul'tury rechi*, 7: 60—68. (In Russ.).
- Levin, M. G., Potapov, L. P. (eds.) (1956). *Narody Sibiri*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Norlusenyan, V. S. (2010). Inoyazychnyye vkrapleniya: sovremennoye sostoyaniye problem. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 57: 63—66. (In Russ.).

- Sokolyanskaya, N. N. (2007). Problemy formirovaniya etnograficheskoy terminologii v tekstakh o Kraynem Severo-Vostoke. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, 8. Magadan: SVGU. 63—68. (In Russ.).
- Vdovin, I. S. (1981). Aktualnyye problemy etnografii aborigennogo naseleniya Sibiri i Severa. In: *Etnografiya i folklor narodov Dalnego Vostoka SSSR*. Vladivostok: DVNTs AN SSSR. 3—14. (In Russ.).
- Vdovin, I. S. (1965). *Ocherki istorii i etnografii chukchey*. Moskva; Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Volodin, A. P, Skorik, P. Ya. (1997). Chukotskiy yazyk. In: *Yazyki mira. Paleoaziatskiye yazyki*. Moskva: Indrik. (In Russ.).